



## Глава 1

Чем сильнее давишь на «газ», тем выше скорость, а это — впрыск адреналина в кровь, воспламенение сознания, сжатие сердца. Такая вот динамика — через скорость один дизельный мотор прибавляет обороты другому, тому, который бьется в грудной клетке. Скорость окрыляет, вызывая бурю положительных эмоций, к тому же она полезна и с практической точки зрения: быстрее едешь — дальше будешь. Лохи, правда, считают иначе. Но Рома Захарский к лохам себя никогда не причислял. Он — человек реальный, понятия имеет...

Быстро мчится его «Мерседес» по Кольцевой автостраде, мачты освещения на разделительной линии мелькают за окном с немислимой скоростью. Только вот впереди, по крайней левой неторопливо катится старенький «Рендж Ровер» темно-серого цвета. А ведь это скоростная полоса, здесь тихоходам не место. Рома возмутился, обогнал джип справа и резко взял влево. Подрезанный водитель притормозил, пытаясь избежать столкновения, но Роме этого показалось мало, и он высунул в окно сжатую в кулак руку, оттопырив средний палец. «Фак» навстречу этому «чайнику»!

Он помчался дальше, но и джип вдруг стал набирать скорость. Уж не погоня ли это начинается?

Рома на мгновение задумался. Джип старый, конкретные люди ездить на таком хламе не будут. А неконкретные?.. И почему окна у джипа затемнены?

Все это чепуха — бояться нечего. И убежать от кого-то там Рома не собирался хотя бы потому, что скорость у него и без того максимально допустимая.

Он ехал настолько быстро, насколько это позволяло движение, но «Рендж Ровер» не отставал. А впереди стал образовываться затор — поток машин стремительно сгущался, движение замедлялось. Скорость упала до сорока в час, когда джип обошел «Гелендваген» справа и лихо его подрезал.

Роман ударил по тормозам, и «Рендж Ровер» тоже резко сбавил ход... Удар оказался несильным, но ведь он был. А это значит, что нужно выходить из машины, разбираться.

Когда-то Роман был реальным бойцом в конкретной московской команде — и на разборках своей жизнью рисковал, и всяких козлов ставил на понятия. И наезжать он умел, и вид у него внушительный. Раньше, правда, он качался каждую свободную минуту, можно сказать, делал это с фанатичным рвением. Сейчас энтузиазм далеко уже не тот, но все-таки он старается поддерживать себя в форме. Мышцы не те, что раньше, но руки все равно мощные, плечи широкие. И весит он сто десять килограммов — это при том, что мышечная масса значительно преобладает над жировой. И ударить может убойно, и борцовским приемом с ног сбить. А на крайний случай у него есть травматический «ствол» — в поясной кобуре под курткой.

Разговора на повышенных тонах не избежать, в этом Роман все более убеждался, глядя, как из

«Рендж Ровера» выходят плотно сбитые парни в спортивных костюмах. И такое ощущение вдруг возникло, будто он совершил скачок во времени.

В начале девяностых реальные пацаны сплошь одевались в нейлоновые спортивные костюмы. Кожаная куртка, «спортивка» плюс золотая или серебряная цепь на шее — такой выглядела экипировка конкретного братка. И сам Роман ходил так по молодости, потом кожаную куртку сменил малиновый пиджак. Сейчас на нем дорогой костюм от Бриони, да и не бандитствует он уже давно.

Зато у этих доморощенных «качков» лихие девяностые в одном месте играют. Кожаных курток нет, но спортивные костюмы в наличии, на мощных шеях — цепи из «цыганского» золота.

К Роману вышел чернявый парень в светлой спортивной куртке нараспашку. Роста чуть выше среднего, плечи так себе, но впечатление он при этом производил, возможно, из-за той внутренней силы, которая сочилась из него, на подсознательном уровне воздействуя на Романа. Смазливый вроде бы на внешность, черты лица правильные, что-то аристократическое в них, но мягкости там нет, женственности — тем более. Что-то волчье в этих чертах, хищное. Это природная жестокость, ее не сотрешь даже самой веселой улыбкой. Впрочем, чернявый не улыбался, хотя и не злился.

— Мужик, ты не прав, — спокойно сказал он, изучая его бесцветными, заиндедевшими от внутреннего холода глазами.

Короткая стильная прическа, высокий лоб, широкие скулы, хищный, с горбинкой, нос, жесткий изгиб тонких губ, на слегка впалых щеках — признаки черной щетины. Голос густой, немного урча-

щий. Говорил парень негромко, но Роман хорошо слышал его даже на фоне шумной дороги.

— Ни хрена себе! Ты меня подрезал! — взбучился он.

Но чернявый даже ухом не повел. Спокойный он, невозмутимый, но именно это и пугало. Знал Роман таких людей — внешне даже доброжелательных, но со смертельно опасным брожением в мыслях. Эти люди обладали серьезными возможностями, потому им вовсе не надо было ни на кого наезжать, чтобы вызвать страх и трепет. И смертные приговоры они выносили запросто, и «торпед» с цепи спускали с потрясающей легкостью.

Стоящий же перед Романом тип такими возможностями не обладал, поэтому вся его внешняя невозмутимость, накачанная внутренней силой, — это всего лишь голые понты. Да и не сила в нем, а возможно, видимость...

Роман глянул на бампер в месте удара. Краска слегка содрана, да и «Рендж Ровер», можно сказать, не пострадал. Но дело не в повреждениях, а в принципе.

— Ты слева ехал, ты должен был нас пропустить, — сказал чернявый.

Явно пацан решил поиграть в крутого авторитета — пацанов крепеньких собрал, джип у папы взял. Спортивные костюмы, «ошейники», все дела... Этот клоун уже начал вызывать у Романа смех. И кулаки зачесались...

Но кулаки чесать не стоит: у противника численный перевес, и это могло сыграть с ним злую шутку. Роман один, а их трое.

Хотя нет, уже не трое... Как будто уловив мятежный всплеск его мысли, на помощь своим друж-

кам из джипа выбрался еще и четвертый «перец». Бритая голова, оттопыренные уши, вытянутая, как у лошади, челюсть, беспалые перчатки на руках. Он мог бы показаться смешным, если бы не исполинский рост и богатырский торс. Вид заспанный, а в глазах возмущение: «Меня?! Будить?!»

— А кто меня подрезал? — возмущенно спросил Роман.

Да, есть такое в правилах — кто справа, тот и прав. Но ведь подрезать тоже нельзя.

— Баш на баш. Как ты, так и мы, — холодно усмехнулся чернявый.

— Кто «мы»? Кто вы такие? Кого представляете? — зло и презрительно усмехаясь, спросил Захарский. И сам же ответил: — Шушера вы! Гопота дешевая! Вы хоть знаете, кто я такой?

— Нам все равно, кто ты такой, — не моргнув глазом, флегматично сказал чернявый. — Ты нам показал «фак», это раз. Ты нам разбил тачку.. Ты должен за это ответить. Хочешь, головой отвечай, хочешь — деньгами.

— Откуда вы взялись, клоуны? — скривился Роман. — Крутых из себя делаете? Так вас самих делают!

— Кто?

— А давай стрелку забьем! Ты со своими клоунами подъезжаешь, а я со своими пацанами!

— Давай, вызывай своих пацанов, — невозмутимо отреагировал чернявый. — Мы никуда не торопимся.

— Я тороплюсь! — терял терпение Роман.

— Твои проблемы... Двести пятьдесят тысяч рублевых с тебя, за материальный и моральный

ущерб. Через неделю будет триста, через две — четыреста, через месяц — миллион.

— Ущерб?! — взъярился Роман. — Да ты сам ущерб, в натуре! Ты кого на счетчик ставишь, ущерб? Солнцевского пацана?! Ну все, гоблин, ты попал!

Он никого не обманывал — ни себя, ни других, хотя и кривил душой. Бригада Федота не имела отношения к знаменитому Солнцевскому району Москвы, но в погоне за громким и устрашающим именем пришлось заключить договор с Михасем. За право называться солнцевским авторитетом Федот подрядился отстегивать ему десять процентов от чистогана... Да, лихие были времена. Вроде совсем недавно, но как будто в другой жизни...

Солнцевская братва и сейчас — далеко не пустой звук, и чернявый должен был струхнуть. Но нет, он лишь скривил губы в пренебрежительной насмешке. Ему реально не страшно. Может, он псих?

Роман схватился за телефон, вывел из памяти номер Кеши Разуваева. Отзыва он ждал недолго.

— Инок, здорово!

— А-а, Захар! — узнал его Кеша. — Давно тебя не слышал...

Роман с ним когда-то конкретно кентовался — на лохов наезжали, дань с барыг собирали, на «стрелки» вместе выходили. Много веселых моментов было... Вернее, они сейчас казались веселыми, а тогда по этим делам и под «костлявую» можно было загреметь...

— Да надо бы встретиться, поговорить.

— Легко!

— Слушай, тут у меня проблемка одна, подъехать надо...

— Что, черти какие-то наехали?

— Точно, черти!

— Я бы с удовольствием, только мы с женой сейчас в Питере, будем только через неделю... Если что, обращайся.

— Ну, через неделю будет поздно, — вздохнул Роман.

Он позвонил Валерьяну, еще одному своему другу, тот внимательно выслушал его, но сказал, что командировка у него, где-то в Самаре он.

— Что-то не так? — с насмешкой спросил чернявый.

Машины мимо медленно проезжают, люди на него раздраженно смотрят, да и менты в любой момент могут появиться, но ему хоть бы хны. Никуда он не спешит и Романа не торопит. И ничего не боится.

— Да нет, все нормально...

Он позвонил Максиму, но абонент оказался временно недоступен. А больше звонить было некому.

Федота убили в девяносто восьмом году, девять лет назад, и братва тут же раздербанила оставшийся бесхозным «общак». Роман урвал свой куш, занялся бизнесом, сначала открыл ресторан на Цветном бульваре, затем второй, на Новом Арбате. Со временем автозапчастями занялся, и, как оказалось, не зря. Надо сказать, раскрутился он неплохо и сейчас в душе радовался, что бригада Федота перестала существовать. Его ведь и убить могли, и закрыть надолго, а так он в шоколаде — живет себе и в ус не дует. Но ведь и у Кеши все на мази, и Валерьян живет кучеряво без всякого криминала. Все они любят вспомнить былое, но реально воз-

вращаться туда не хочется никому. Зажирили все, закабанели, в том числе и сам Роман.

Неплохо он сейчас живет — три ресторана в центре Москвы, девять магазинов разной степени доходности, собственная сеть автомоек. Но своей службы безопасности как таковой у него при этом нет. Охранники в ресторанах и магазинах в счет не идут, поскольку толку от них на «стрелке» не будет. Умирать за своего босса этот контингент не захочет...

Да и Кеша с Валерьяном вряд ли подпишутся за него, если дело вдруг запахнет керосином. Может, они сейчас в Москве где-то, просто придумали отмазку, чтобы не помогать Роману. Да и чего им помогать ему, если с Кешей они год не виделись, а с Валерьяном все два? Чужими становятся, у каждого своя жизнь, где блатной романтикой и не пахнет.

Можно было бы позвонить своей «крыше», но так не было ничего такого. Роман ждал наездов, но до сих пор как-то обходилось. Ну, были моменты, когда наезжали какие-то левые, так Роман популярно им объяснял, с кем они связались. И пальцы веером, и понты фонтаном... Тогда и Кеша на вызов приезжал, и Валерьян, и Макс — вместе они представляли силу, с которой считались. Но ведь и сам Роман оказывал им помощь... А сейчас как-то все успокоилось, устаканилось, долги все розданы — никто никому ничего не должен, потому и остался Роман без конкретной поддержки. А ведь она ему сейчас так нужна.

Не подъедут пацаны на «стрелку», потому и не верит ему чернявый, потому и усмехается, нагло

глядя ему в глаза. Ощущение такое, как будто он мысли читает. И еще выводы делает:

— Я не знаю, может, ты кем-то и был раньше, но сейчас ты никто.

— Это ты — никто! — пытаюсь заглушить чувство беспомощности, заорал Роман. — А я — все!

— Двести пятьдесят штук с тебя, — ехидно и без экспрессии усмехнулся парень.

— Зря вы так, пацаны! Ох, зря!

Роман отвел в сторону полу куртки, обнажив кобуру с пистолетом. Но и чернявый поступил точно так же, показав ему свой «ствол». А за поясом у него торчал конкретный пистолет — итальянская «беретта». Слишком серьезное это оружие для дешевого гопника.

Лопоухий пошел дальше. У него тоже была «беретта», но за поясом он ее не удержал — взял в руку, стал накручивать на ствол глушитель. И делал он это с таким спокойствием, как будто сигарету из пачки вынимал. Может, ему все равно, что покурить, что человека застрелить. Глаза у него пустые, бесчувственные. Роман с содроганием смотрел на лопоухого. Его ведь действительно могли положить здесь шпалой. Уж он-то знал, как это бывает.

— Не шути с судьбой, мужик. Такие шутки плохо заканчиваются, — сказал чернявый.

— Ты кто вообще такой?

— Ну, можешь звать меня Феликсом.

— Да мне по барабану, как тебя зовут! Откуда ты взялся, если жизни не знаешь?

— Я знаю жизнь, — покачал головой чернявый. — Я очень хорошо ее знаю. Поэтому ты не колотись, все равно меня не напугаешь. Может,

и был ты кем-то, но сейчас ты лох. И с этим ничего не поделаешь.

— За базар ответишь! — психанул Роман.

Но Феликс даже ухом не повел. Он смотрел на него спокойным и пронизывающим насквозь взглядом. По ходу, он реально что-то собой представлял. И спортивный костюм на нем дорогой, фирменный, не с какой-то дешевой распродажи. Стильный костюм, теплый, флисовый — как раз для апрельской погоды. И цепь на шее, похоже, не из фальшивого золота. И не такой уж он молодой, каким показался сначала. Лет тридцать, никак не меньше, просто спортивного вида он, подтянутый и даже ухоженный, потому и выглядит молодо.

— Деньги когда будут? — И взгляд у него замораживающий, и в голосе спокойствие глубокой заледенелой пещеры.

— А если никогда?

— Я понимаю, мужик, ты вышел из себя, показал нам палец. Но простить я тебя не могу. Natura у меня такая. Против природы не попрешь.

— Против силы не попрешь! — беспомощно буксанул Роман.

— Сила — за мной, — ничуть в том не сомневаясь, сказал Феликс. — И если ты этого не понимаешь, мы тебе объясним. Терпения у нас много, и от своего мы никогда не отступаем, так что готовься.

— К чему готовиться?

— Учить тебя будем. Если ты глупый. А если умный, то деньги на бочку!

Роман умел наезжать, но Феликс превзошел его в этом. И дело не в численном перевесе за его плечами, а в нем самом. Он был реально личностью.

Сильной и опасной. Роман должен был это признать. Должен был, но не мог, поэтому и взбесился.

— Да пошел ты знаешь куда!

Он сел в машину, захлопнул за собой дверь, сдал назад и, объехав препятствие, влился в общий поток. Феликс даже не собирался его преследовать. Неужели понял, что ловить ему нечего?

Чем дальше Роман удалялся от места встречи с этим ненормальным, тем легче становилось на душе. А спустя час-другой он вдруг понял, что едва не стал жертвой банального гипноза.

Однажды он повелся на цыганку. «Давай, дорогой, погадаю...» Знал он тогда, чем заканчиваются такие гадания, поэтому сунул цыганке мелкую купюру, чтобы отвязалась. А она на этой бумажке какой-то волосок «увидела», проклятые, говорит, деньги, от таких избавляться надо. А сама в глаза смотрит... Роман и не помнил, как отдал все, что было в бумажнике.

И здесь примерно такая же история. Только не повелся Роман на внушения Феликса, уехал.

Сначала его начал душить нервный смех, а потом за горло схватил по-настоящему боевой, но запоздалый гнев. Он вдруг понял, как надо было вести себя с Феликсом. Надо было просто-напросто набить ему морду. Не сопли он должен был пускать, а бить, да так, чтобы зубы во все стороны разлетались. Тогда бы дружки этого клоуна в панике разбежались, побросав свои пластиковые «беретты».

Домой Рома возвращался в расстроенных чувствах. И зачем он только звонил своим старым друзьям? Надо было сразу бить Феликса в морду..

После драки кулаками не машут, но Роман все-таки дал волю своим чувствам. Правда, оторвал-